

18+

Владимир Титов

ЛЕСНОЕ
ЛИХО

Владимир ТИТОВ

Лесное лихо

«Издательские решения»

Титов В. В.

Лесное лихо / В. В. Титов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907057-9

Юная шляхтенка Ванда едет на собственную свадьбу, но случайная встреча в фольварке знаменует начало череды жутких и загадочных событий... Отец с сыновьями отправляются в деревню к деду, пособирать грибы в лесу. Да только грибы не простые, а уж место, где стоит дедова деревня — тем более... Давным-давно ревнители Истинной Веры истребили безбожных колдунов. Но из лесов и болот выходят на охоту древние демоны земли, и нет от них ни спасения, ни защиты... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-907057-9

© Титов В. В.

© Издательские решения

Содержание

Морозный звон	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лесное лихо

Владимир Владимирович Титов

© Владимир Владимирович Титов, 2020

ISBN 978-5-4490-7057-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Морозный звон

Коли в дальней дороге вас застигла метель, утешение может быть одно. Ни волков, ни, тем паче, разбойников сторожиться не приходится. Правда, от серой стаи альбо¹ лихой ватаги можно при удаче отбиться. От ведьмы-метели, да ещё если ей мороз в помощь, не отобьешься. Тут одно спасение – были б кони сыты да сильны.

Четверка крепконогих коней, впряженных в невеликий крытый возок на полозьях, давно уже являли приметы усталости. Всё чаще они переходили с рыси на шаг, и возница, помянувший чёрта, дьявола, сатану и всю нечестивую родню его, не тревожил коней кнутом, понимая, что это бесполезно. К тому же он был уверен в своих конях и знал, что они вытянут. И не из такой передряги вытягивали.

Внутри возка, куда не достигало от буйства стихии, тоже царило сонное спокойствие. Три женщины негромко переговаривались, посматривали в окно, слушали хищный вой метели. Если быть совсем точным, переговаривались две. Третья, которую в беседу не приглашали, дремала впрок.

– ...и тогда твой покойный батюшка сказал пану Сбыславу: «Если это твоя первая настоящая битва, то чему же учили вот этих всех?» – и показал на трупы побитых татар, иссеченных так люто, что на них не можно было смотреть без трепета, – говорила одна. – Они тогда, в Инфлянтскую войну, были молоды, Ванда, звёздочка моя. Ненамного старше, чем ты сейчас. Батюшке твоему было годов двадцать с небольшим, а пану Сбыславу – не то семнадцать, не то ещё меньше.

– Матушка, а отчего пан Сбыслав не женился до сих пор? – спросила вторая собеседница.

– Он очень любил пани Ольгу, а та, бедняжка, умерла родами. Многие были бы рады отдать дочерей за такого славного рыцаря, но пан Сбыслав не хотел. Он говорил, что ни одна красавица не заменит ему пани Ольги.

– А я, значит, заменила? – Если бы в возке было чуть светлее, было бы видно, что вторая собеседница лукаво ухмыльнулась.

– Это ты у пана Сбыслава спроси. Уж не сомневайся, дочка – любит он тебя.

– Ещё бы не любил! – самодовольно усмехнулась Ванда.

В это время в дверцу возка постучали и почти тут же отворили. В образовавшуюся щель немедленно сунула холодную лапу метель. Потом метель отсекло, потому что щель занял собой Владислав – старый отцов ратный слуга, из небогатых шляхтичей, у которых своего – гонор, усы да сабля, а шапка уже панская. К слову, шапка, брови и усы Владислава были столь густо облеплены снегом и ледышками, что лица за ними было не видать.

– Пани Марта, – сказал он, – стемнело уже, да ещё метель дьявол надавал, а кони притомились. Если ваша панская милость дозволит, через версту свернуть бы на восход, а там всего миля² до фольварка³ Калинковича. Там бы отдохнуть да подкрепиться, а завтра до свету в путь тронемся.

– Опоздаем ведь! – вздохнула пани Марта, которая рассказывала дочери о славных сечах пана Сбыслава. – Свадьба уже послезавтра...

– Пани Марта, вот как Бог свят – завтра о полудне будем в палате Чарнецких варенухой отогреваться! А сегодня уж не судьба до места доехать.

– Ну, делай, как знаешь, пан Владислав, – сказала пани Марта.

¹ или, либо.

² Миля (в Великом Княжестве Литовском, Руском и Жамойтском) равнялась 5 верстам или 7,777 км, верста – 789 сажням или 1554,6 км. (Источник: <http://5fan.ru/wiev.job.php?id=89148>)

³ Фольварк – небольшое помещичье хозяйство в Речи Посполитой.

Дверца возка затворилась.

– А скажите, матушка... – заговорщическим шёпотом начала Ванда...

Однако давайте, любезный читатель, проявим благовоспитанность и дадим возможность благородным шляхтенкам посекретничать без посторонних ушей. Тем более что разговоры вскоре сошли на нет, и все три путешественницы предалась самому неприятительному дорожному развлечению – дрёме.

А у нас есть возможность представить их.

Две путешествующие шляхтенки, юная панна и её мать, были из рода Бельских. Еще два поколения назад Бельские были сильным и богатым родом русской шляхты Великого Княжества Литовского, Руского и Жамойтского. Однако Инфлянтская война подкосила их. Слишком много храбрых мужей поженились на сырой земле, сосватанные саблями да пулями московских ваяров, как оба старших брата Ванды. А из тех, кто воротился, немало было калек да хворых, как Вандин отец. Вернувшись бледной тенью себя прежнего и промаявшись около года, страдая не столько от ран, сколько от гибели обоих сыновей, пан Михал отошёл в мир иной. Среди тех, кто провожал витязя в последний поход, был его старый боевой товарищ Сбыслав Чарнецкий. Неподдельно было горе знатного рыцаря, корившего слепую судьбу да костлявую дуру, что забрала не его, одинокого вдовца, а доброго мужа и отца. Но не зря люди частенько поминают жизнь да смерть чередую. Хотя похороны да поминки – не самое подходящее время для любовных дел, пан Сбыслав заметил, как расцвела дочка Михалкова, Ванда. Стал он наезжать к Бельским, помог поправить пошатнувшиеся дела, делал вдове и сиротке пристойные подарки. И, когда он попросил у пани Марты руки её дочери, та согласилась, и Ванда не стала противиться. Полюбила ли она Сбыслава Чарнецкого, как полюбил её он? Трудно сказать. Несомненно, ей льстило внимание прославленного и богатого рыцаря. Вот только пан Сбыслав, хотя был крепок телом и бодр духом, но всё-таки по возрасту годился Ванде в отцы. А молодость беспощадна к тем, кого покинула...

Бельских сопровождала в пути их служанка. Забегая вперёд, скажем, что она не сыграет значительной роли в нашем повествовании, а потому ограничимся сообщением, что кликали её Любкой.

...Тем временем стемнело уже окончательно, метель усилилась, так что несколько раз Владислав слезал с козел и проверял, едут ли они по дороге или свернули чёрт знает куда. Дорога, однако ж, была на месте. Наконец, впереди показались тёмные пятна строений.

– Добрались, сто чертей тебе в глотку, проклятая метель, – проворчал возница.

Так небезопасное путешествие сквозь пургу завершилось благополучно. Вскоре кони были вверены заботам местного конюха, возок нашёл пристанище в каретном сарае, работники перенесли вещи в панский дом – по совести сказать, невелико было приданое Ванды Бельской – а сами путешественницы в ожидании вечерней трапезы отогревались возле печки, покрытой разноцветными изразцами.

Здесь, при свете свечей, зажжённых учтивыми хозяевами, мы можем рассмотреть их. Пани Марта была статной дамой со строгим овальным лицом. Голова её была покрыта белой намиткой⁴ тонкого полотна. Она была облачена в чёрную сукенку⁵ с высокой талией, подпоясанную золотым поясом рукава кашули⁶ также были чёрными и украшены золотым шитьём. Прямой тонкий нос, серые глаза, маленький, но упрямый подбородок изобличали в пани Марте сильную породу, и видно было, что некогда она заставляла часто биться сердца молодых шляхтичей – да и сейчас была красива величавою красотою немолодых дам.

⁴ Старинный женский головной убор, представляющий собой полосу тонкой ткани, часто украшенной, особым образом завязанной вокруг головы.

⁵ Платье.

⁶ Рубашка.

Дочка её, которую звали Ванда, чертами лица была похожа на мать, однако немного другая линия скул и подбородка, чуть вздёрнутый нос достались ей от отца. Щёки юной девицы покраснелись от мороза, который успел поцеловать её, когда она переходила из возка в дом, а больше того – от неугасимого жара её собственных семнадцати годов. Голова панны Ванды не была покрыта, и светло-русская коса спускалась до самого низа спины. На Ванде была синяя сукенка, подпоясанная золотым поясом, и кашуля бордового цвета.

Любка, словно в оправдание звания чернавки, была темна лицом и волосом, круглощёкая, с быстрыми весёлыми глазами и подвывернутыми губами, которые так и тянет расцеловать, будь ты простой кмет⁷ или магнат. Одетая она была в простонародную вышитую кашулю, с клетчатой панёвой да юпкой.

В покой, где отогревались три путешественницы, постучался и вошёл мужик лет сорока с небольшим. Хотя он был одет чисто и не без щегольства, видно было, что это человек простого звания. Это был Якоб Головня, управляющий работами на фольварке. Почему к нему приклеилось такое прозвище, не знал никто. Голова у него была не мала, не велика, а волос цветом напоминал солому. Должно быть, происхождение прозвища терялось в глубине веков, потому что и отца его звали Головня, и деда, и, как утверждал Якоб, прадеда и прадедова отца.

– Всем ли вы довольны? – осведомился он. – Ужин вашей милости скоро подадут.

– Всё хорошо, – кивнула пани Марта. – А где же сам пан?

– Пан Кастусь, пани Наталья да оба панича уехали ещё утром, – покачал головой Якоб. – Пан Сбыслав Чарнецкий скликает всю окрестную шляхту на свадьбу с... с вами, ясная панна! – Он поклонился Ванде. – А вы здесь. Вот ведь, как выходит!

– Наверное, и братец Ян, да и дядько Юрий со всей семьёй уже у Чарнецкого, – с усмешкой сказала Ванда, обращаясь к матери. – Что ж, не беда. Я думаю, они нас подождут.

– С их стороны было бы невежливо начинать без вашей милости, – заметил Якоб. – Простите на дерзком слове.

Ванда и чернавка расхохотались, да и пани Марта улыбнулась, покачав головой.

– Это ты верно подметил, Якоб, – сказала она.

– И знаете, милостивая пани, – продолжал Якоб, – у нас нынче настоящий сойм. Верите ли, только что приехал на фольварк молодой шляхтич – его, как и вас, буря в пути застала, он и завернул до нас. Пригласить ли его с вами ужинать?

Пани Марта велела пригласить. Якоб кивнул и вышел. Вскоре в покой с поклоном вошел тот самый заблудший путник, о котором рассказывал Якоб. Ванда окинула его беглым взглядом, понимая, что пялиться в упор неучтиво. Первые впечатления её о незнакомце были отрывочны. Высок, свитка брусничного цвета, лицо... так себе лицо, обветренное, под цвет свитки – хотя он, наверное, не в возке сидел, какому же ему ещё быть...

– Вечер добрый панству, – сказал вошедший немного осипшим голосом. – Зовут меня Микалай Немирович, по гербу Секира. Счастлив лицезреть прекрасных шляхтенок и шановного пана.

Пани Марта представила себя, дочь, не забыла и Владислава. Через некоторое время путешественники приступили к вожделенной трапезе. Блюда были не слишком изысканными, о чём успела посетовать девица, подававшая на стол – по виду, дочь Головни – однако для усталых путников обильная и сытная еда была приятнее, нежели разносолы. Два жареных гуся, да вареники, да блины, да пирог с рыбой, да варенуха, появление которой весьма порадовало Владислава, да прочие напитки, хмельные и нет – всё это богатство быстро заставило забыть о тяготах дороги.

Потекла учтивая беседа, без которой не обходится ни одно застолье, хоть в палате великого князя, хоть в самой что ни на есть простецкой корчме. Микалай, оказалось, был учёным

⁷ Крестьянин.

человеком и постигал философию в Виленской академии. Оттуда он сейчас и направлялся до отцовского маёнтка⁸ – причём, как поняла Ванда из его слов, адукацию он по какой-то причине не завершил.

– Пан закону римского⁹? – спросила она неожиданно для себя.

– Нет, ясная панна, – ответил Микалай. – Семья наша держится закону грецкого¹⁰.

– Мы тоже, – зачем-то сказала Ванда.

– ...академия же, хотя и основана иезуитами, принимает всех христиан, – продолжал Микалай.

– Коли так, то это правильно. Не один ли Бог? – заметила пани Марта. – И закон господаря великого князя не делает различия между христианами грецкого и римского закона. И, надеюсь, так будет и впредь.

Ванда слушала вполуха, во все глаза рассматривая молодого сотрапезника. На вид ему было лет двадцать, может, чуть больше. Широкие плечи и сильные руки, движения и обычай говорить – всё изобличало в нём шляхтича с крови и кости, что бы он там не говорил про какую-то философию. Глаза были пронзительно-синие, как июльское небо, а медного цвета кудри, сбритые с боков и с затылка, нависали надо лбом копной, и Ванде неожиданно захотелось запустить пальцы в эту упругую медь. Ванда сердито фыркнула и с независимым видом занялась варениками.

Трапеза подходила к концу, когда снова явилась светловолосая девица.

– Всем ли вы изволите быть довольны, панове? – спросила она, пряча руки под фартуком.

– Думаю, сам господарь король и великий князь не побрезговал бы таким столом! – улыбнулась пани Марта. – Как тебя зовут, дитя?

– Ядвига, милостивая пани, – улыбнулась девушка.

– Так скажи батьке, Ядзя, што мы щедро заплатим за добрый ужин и постой, – сказала пани Марта.

– Дозвольте, пани, я заплачу, – сказал молодой шляхтич.

– Как можно с вас гроши просить? – выгаращила глазки Ядвига. – Да простит меня милостивая пани, у нас не корчма, а фольварк пана Кастуся Калинковича. Пан наш будет рад, коли узнает, што мы принимали невесту пана Сбыслава Чарнецкого по дороге на свадьбу! А вас, пан, мы всегда рады принять! – она медоточиво улыбнулась Микалаю. Ванда нахмурилась.

Крупный угольно-чёрный кот, что проскользнул в дверь вместе с девицей, деловито подбежал к Ванде и вспрыгнул ей на колени. Ванда засмеялась и принялась гладить и тормошить зверя, а тот муркотал и выгибался под её руками.

– Чует доброго человека! – сказала Ядзя.

– Што ж, коли батька твой платы не возьмёт, так я тебя награжу, дитя моё, – сказала пани Марта. – Подарю тебе юпку тафтяную. Чтобы не только у нас, но и у тебя была радость.

– Благодарю, милостивая пани! – поклонилась Ядзя.

Тем временем Ванда подхватила кота под брюшко и положила себе на шею. Котище некоторое время изображал меховой воротник, потом подобрал лапки, спрыгнул на пол потёрся о ноги панночки и вновь вскочил ей на колени.

– Он в тебя влюбился, дочка! – сказала пани Марта, с улыбкой глядя на забавы дочери с котом.

– Возможно, – улыбнулась Ванда. Она подхватила кота под передние лапки и поставила себе на колени. – А што? Чем не рыцарь? Вон какие усищи! И глаза огнём горят! А когти, верно, точно сталь! А гонору на трёх шляхтичей хватит! Он за тобой не приударяет, Ядзя?

⁸ Маёнтак – имение.

⁹ То есть католик.

¹⁰ Православный или униат.

– Да позволено мне будет молвить, – сказала Ядзя, – у нас говорят, што старый человек живёт, як тот кот. Вот вы смеётесь, ясная панна, а у нас стары люди так говорят: женился человек, альбо девка замуж вышла – конский век живёт, впрягся и тянет воз. Когда дети подросли – надо им хаты строить, тогда живёшь коровий век, начинают тебя все доить. Собачий век – это уже когда за семьдесят годов, уже дети забирают его добро их сторожить себе. А когда девяносто альбо сто годов – это уже котовий век. Вот што кот робит в хозяйстве? А мы и кормим кота, и погладим, и приласкаем просто так. Так и старый...

– Кот мышей ловит, – заметил пан Микалай. – В хозяйстве это не лишнее...

– А старый старичок аль старушка малым деткам басни сказывает, – ввернула Ядвига, – дедушка такие басни знал, какие мало кто помнит! И про витязей, и про змеев, и про Верлиоку, и про ягую бабу, и про мудрую королевешну, и про храброго паробка Катигорошка. И так сказывает, што ты будто видишь это! Когда и страшно, а дослушать хочется!.. А ещё стары люди знают, как любую ссору миром поладить. Бывало, матка с тётей, дядиной жонкой, об чём-то разругаются, а дедушка только слово скажет, они и успокоятся, да ещё посмеются, што из-за пустяка спорили. А то, когда мы совсем малыми были, мой Дмитро, братишка-погодок, с двоюродным братишкой Стаськой разодрался. Они оба меня любили, а поделить не могли, дрались, што кочета. Один кричит – «Моя Ядзя, я больше люблю!», а другой – «Нет, моя!». И меня за руки в разные стороны тянут. А тятя с дядькой в ту пору лесовали, а матушка моя с ними поехала, а тётка на огороде была. Тут дедушка встал, взял в одну руку посох, в другую нож-косарь, подходит до нас да молвит: «А вот сей час я её надвое разрублю, каждому достанется!» Мы все в слёзы, братишки меня обняли, режут – «Не надо, дедушка, не рубай нашу Ядзю!» С того разу и не ссорились.

Ванда посмеялась и почесала кота за ухом. Кот прижмурил глаза и замурчал.

– Котик, котик, как тебя зовут? – спросила Ванда.

– Баюнок мы его зовём, – ответила за бессловесного кота словоохотливая селяночка. – Он в лесу на Стася с дерева прыгнул, точно Баюн из басни, который людей сладкими песнями обморачивает да губит. Стась его поймал да принес, а он прижился. Бывает, в лес уходит на день, на другой, потом ничего, возвращается. А то молвят... кот не просто так муркочет, он пацеры говорит, только вот молится он не по-людски, – примолвила Ядвига.

Ванда улыбнулась и, выгнув пальцы птичьими когтями, провела ими вдоль спинки кота. «Уммрррр, фррр», – отозвался кот.

– Баюнок? А мне ты песенку споёшь? – спросила Ванда.

Кот неожиданно обернулся и посмотрел в глаза панночки, отчего та вздрогнула. Что-то недоброе показалось ей в жёлтых кошачьих гляделках. Как будто кот понимал всё, о чём они тут говорили, и даже больше. Наваждение тотчас же пропало. Баюнок спрыгнул с колен Ванды и убежал.

– Дозвольте идти, панство? – спросила Ядзя.

– Иди, голубка, – сказала пани Марта.

– Славная девица! – заметил после её ухода Владислав. – И как похожа на панночку! Если обрядить её в богатое убранье, так и подумаешь, будто шляхтенка... хотя с панночкой нашей ей всё одно не сравняться! Кто нашу панночку увидит, тот навек покой и сон втратит. Только зря очи проглядит. Панночка наша просватана за славного Сбыслава Чарнецкого! Воевал он в Инфлянтах вместе с нашим покойным паном Михалком Бельским против московцев, бил поганого татарина Саин-Булата, этого пса-людоеда, которого спускал на нас Иван Кровавый, лиховал под Полоцком да под Псковом. Из первейших ваяров был, не щадил ни себя, ни врагов, а пахолки его готовы за ним в огонь и в воду! А кто среди окрестной шляхты такой удачливый охотник, как пан Чарнецкий, а кто такой гостеприимный хозяин, что всякого мелкого шляхтича принимает почти как гетмана! И кмети, говорят, тоже довольны паном Чарнецким, потому что он господарь хотя и строгий, однако справедливый. А всякая... – Владислав

вовремя спохватился, поняв, что его понесло не в ту степь. – Выпьем за то, шtbody чтобы панночке нашей счастливо жилось с таким супругом!

– За счастье панны Ванды! – поддержал его Микалай.

Окончив ужин, изрядно воодушевлённый хмельным Владислав надумал пойти посмотреть, «как здешний конюх обиходил наших коньков». Вместе с ним и тоже в направлении конюшни отправился пан Микалай, надумавший проведать своего скакуна. Воротившись, Владислав объявил, что буран, который перебил им дорогу, чтоб его дьявол забрал, стих совершенно, будто его и не было, небо ясное и луна светит, как... тут он сбился, видимо, не подыскав благопристойного сравнения. Ванда посмеялась, и, испросив у матушки разрешения, отправилась прогуляться по фольварку. Случайно ли она столкнулась с Микалаем, или они искали друг друга, или так распорядилась сама судьба, которая свела их в пути?

– Это я, – сказала Ванда, выходя из лунной тени, которую отбрасывал панский дом.

О чём они говорили, не спеша прогуливаясь под чёрной бархатной пелериной ночи, расшитой серебром и алмазами? Какие слова растворил хрустальный морозный воздух? Что видела луна, похожая на серебряный грош? Люди частенько говорят выспрненное и исполненные чувства слова, которые идут от языка, а не от души. А бывает так, что двое молодых людей болтают о пустяках, смеются и вскоре забывают, над чем веселились – а судьба тем временем скручивает нити их жизней воедино, так что не разъединить их, а если и отрезать – так обе разом.

– Замёрзла я! – весело призналась Ванда. Микалай раскинул полы футры¹¹ и, ни слова не говоря, укутал её тихонько пискнувшую девушку. Ванда забыла дышать, не видела и не слышала ничего вокруг – только бешеное биение своего сердца.

– Я... пойду... – не то утвердительно, не то вопросительно проговорила девушка. Микалай не отвечал. Ванда выскользнула из его объятий и бесшумно побежала к дому.

Через некоторое время, когда Микалай вернулся в панский дом, он застал Ванду в просторном покое, в котором им подавали ужин. Запалив три свечки, она читала толстый том.

– Дозволено ли мне будет спросить, что панна читает? – осведомился Микалай.

Ванда улыбнулась и лукаво стрельнула глазками в угол, словно приглашая незримых духов в собеседники.

– Ля ви трэ оррифик дю гран Гаргантюа, пэр дэ Пантагрюэль, – важно прочитала она заглавие.

– Je ai lu ce livre, – ответил молодой шляхтич, стараясь выговаривать слова чисто и не спеша: произношение юной читательницы давало понять, что письменной речью она владеет куда лучше, нежели устной. – Нравится ли вам этот озорник, учёнейший мэтр Рабле? – продолжал он по-французски.

– О да! – весело воскликнула Ванда. – Хотя матушка полагает, что сия книга чересчур груба для благородной девицы. Но я этого не нахожу!

Микалай подумал, что матушка образованной панны в чём-то права – но благоразумно оставил это мнение при себе.

– А прежде ещё читала я старинный роман, написанный славным французским стихотворцем Берулем, – сказала Ванда, мечтательно глядя поверх пламени свечей. – Жил некогда в далекой западной стране Карнувол храбрый шляхтич, равного которому не было. Он победил страшного змея, он убил великана, который, по слову короля соседней державы, требовал с его страны позорную дань девицами да парубками. И так случилось, что полюбил он жену господаря своей страны, который, к тому же, приходился ему дядей. И прекрасная королева тоже полюбила его. Так велика была их любовь, что они не побоялись преступить Божеский

¹¹ Шубы.

и людской закон. – Ванда замолчала. – Много горестей выпало на их долю. И всё-таки они были счастливы, как может быть счастлив тот, кто соединился с любимым человеком.

– Я тоже читал этот роман, – негромко сказал Микалай.

Некоторое время они молчали, глядя в глаза друг другу. Всё было сказано. И они друга друга поняли.

Растворилась дверь, и в покой вошла пани Марта.

– Дитя моё, время уже не раннее, – ласково сказала она Ванде. – А нам завтра дорога предстоит. Шла бы ты лучше почивать.

– Конечно, матушка, – сказала Ванда, сложила книгу и неслышно удалилась.

– Слушай меня, пан Микалай! – сказала пани Марта, когда они остались одни. – Вижу я, что моя дочка тебе приглянулась. Не говори, будто не так. Вижу, иначе плохая я была бы мать. Ты, наверное, славный рыцарь, и для своей жены мужем будешь добрым. Только вот что, пан Микалай: дочка моя уже просватана. Послезавтра быть свадьбе. Прошу тебя, пан Микалай... поклянись пред Богом, поклянись добрым имени отца и матери и всего рода своего, честью своей поклянись, что не станешь мою Ванду с пути сбивать.

– Клянусь, – помедлив, ответил молодой шляхтич.

– Благодарю тебя, – сказала пани Марта.

...В ту ночь из всех случайных гостей фольварка Калинковичей хорошо спали, пожалуй, только пан Владислав да Любка, служанка Бельских. Юная Ванда ворочалась и вздыхала, ей было то жарко, то знобко. Несколько раз она принималась тихонько плакать. Не спалось и пани Марте: не каждый день везёшь единственную дочку на свадьбу! Не спал Микалай в своём покое. Он то ложился на лавку, не раздеваясь, то вскакивал и принимался ходить взад-вперёд, то садился и смотрел в одну точку.

Ближе к утру шляхтич вышел во двор, прошёл к конюшне, там растолкал сонного калинковичского конюха. Через некоторое время он вёл по двору в поводу осёдланного дрыкганта¹².

– Надумали уехать не прощаясь, пане Микалаю? – послышался звонкий голосок, который молодой шляхтич узнал бы из тысячи. – Ужели наше общество для вас столь противно, што вы не страшитесь честь шляхетскую невежеством запятнать?

Микалай остановился.

– Панна Ванда, – проговорил он – и видно было, что нелегко даются ему эти слова, – как только я увидел вас – понял, што не встречал никого прелестнее, когда услышал ваш голос – навеки пропал. После нашей встречи я не полюблю больше ни одной девицы, будь она хоть королевной, потому што сердце моё принадлежит вам. Однако судьба нам расстаться и не вспоминать больше друг друга. Вы осчастливите своего мужа, ну, а я постараюсь как-нибудь дожить, сколько мне отмеряно, зная, што не будет со мною рядом той, которая дорога мне больше всего на свете.

– Чем я оскорбила тебя, рыцарь, што ты признаёшься мне в любви и тотчас меня отвергаешь? – тихо спросила Ванда.

– Я дал клятву, панна Ванда, што не стану мешать шлюбу¹³, о коем ваши батьки с паном Чарнецким домолвились, – сказал Микалай.

Ванда схватила его за рукава.

– Не будет ничего, – сбивчиво заговорила она, глядя на него полными слёз глазами. – Никакого шлюба. Потому што я того не хочу. И не в чем тебе клясться! Слышишь, милый?

¹² Дрыкганты, или дрыгванты – порода коней, выведенная в Великом Княжестве Литовском, Руском и Жамойтском специально для рыцарского боя. Отличались мощной широкой спиной, крепкими хорошо очерченными ногами, небольшой головой. Глаза в силу анатомических особенностей могли отсвечивать красным, что придавало рыцарским коням поистине демонический вид. Масть имели чаще всего пегую и чубарую (есть свидетельства о полосатых дрыкгантах и о конях, имеющих шкуру наподобие леопардовой). До наших дней не сохранились, порода выродилась во второй половине XVII столетия.

¹³ Бракосочетанию.

Не хочу за Чарнецкого. Хочу за тебя! Ничего и никого не боюсь, хоть весь свет встанет против! Увези меня, сделай женой своей... или возьми пистоль да застрели здесь, потому што не будет у меня жизни без тебя!

Некоторое время оба молчали.

– Коли так, – сказал Микалай, – знай, голубка моя: нет той силы, которая сможет разделить нас. Ни христианин, ни басурманин, ни ангел Господень, ни нежить пекельная. Счастье нашукаем – так на двоих, загинем – так вместе. Но знай – покуда я жив, никто не посмеет даже косо глянуть на тебя.

– Микалай... – тихо сказала Ванда, – матушка моя не даст согласия, даже если оба у неё будем на коленях прощать. Коли ты готов меня взять – надо бежать, не мешкая.

– Нет, – ответил, подумав, Микалай.

– Нет? – не поверила своим ушам Ванда. – Это... потому что я против матушкиной воли замуж иду и от имени отпадаю¹⁴?

– Не то ты молвишь, голубка моя, – улыбнулся Микалай. – Об имении я вовсе не думал. А пришла мне дельная мысль. Слушай...

* * *

Ещё и не начало светать, как Бельские выехали со двора. Ванда сидела скучная и, укрыв пол-лица убрусом, не то хандрила, не то дремала.

– Я, матушка, кажется, дурно спала сей ночью, – пожаловалась она, собираясь в доргу. – Я уж в пути посплю. А вы разбудите меня, как приближаться станем! Не годится мне перед наречённым зевать! – закончила она с измученной улыбкой.

– Добро, дочка, – сказала пани Марта. Про себя она подумала, что девка тоскует по красивому молодому шляхтичу. Что ж, пан Микалай всем угодил – и лицом, и статью, и беседу ведёт учтиво. Так что ж с того? Много ещё ей встретится пригожих молодчиков – что ж, каждому на шею кидаться?

Отъезд, впрочем, не обошёлся без приключений. Уже сев в возок, Ванда вдруг и всплеснула руками.

– Што ж я сегодня сама не своя! Матушка, извольте подождать, я книгу свою забыла!

– Вандушка, да сиди, пускай Любка сбегает! На то она и чернавка, чтобы тебе по пустякам ноги не бить!

– Ах, матушка! – улыбнулась Ванда. – Я-то знаю, где её шукать!

Вскоре Ванда вернулась, держа в руках томик французского безобразника. Не говоря ни слова, она поплотнее завернулась в шубку и, кажется, мгновенно уснула.

Владислав свистнул, щёлкнул кнутом, захрустел снег под копытами четвёрки, зашипел под полозьями. Вот пропали из виду постройки фольварка, вот промелькнули поля, потянулись леса. Вот переехали мост через невеликую речку и из лесной страны, как в басне, оказались в полях, которым не видно конца и краю, мелькнула и пропала вдали безымянна вёска... Владислав был прав – сегодня ехали быстрее.

И вправду – ещё было светло, когда Владислав сказал, что скоро будут в поместье Чарнецких. Пани Марта принялась будить Ванду.

– Ванда! Доченька, открой ясны очи! Ведь мы уже приехали! Да што с тобой? Вчера весь день вертелась, а нынче тебя ровно подменили – клюёшь носом. Уж не захворала ли?

– Я здорова, матушка... – тихо просипела девушка, будто боялась подать голос.

– Как же «здорова»? Голос как чужой...

¹⁴ Опасения панны Ванды не напрасны. «Где бы которая девка без воли отцовское и матычиное шла замуж, таковая отпадает от посагу и от имени отчизного и матерыстого, также и спадковъ», гласил Статут Великого Княжества (роздель пятый «О оправе посагу и о вене», артыкул 8).

Тут страшная догадка мелькнула у пани Марты. Она схватилась за край убруса, которым девушка старательно закрывала лицо, и отдернула его в сторону.

Ядвига – а это была она – в ужасе закрыла лицо руками. Любка ойкнула.

– Мерзавка! – Пани Марта замахнулась на сжавшуюся в испуге девчонку, но в последний момент опустила руку.

– Нет, голубушка! – сказала она, ласково улыбаясь – но от этой улыбки Ядвига мало не умерла от ужаса. – Накажет тебя твой батька по слову пана Калинковича, которому я обскажу, в какие игры ты играешь. Уж он-то из тебя душу вытрясет.

– Не надо, милостивая пани... – прошептала девушка.

– А может быть, ты, «доченька», – пани Марта язвительно подчеркнула последнее слово, – расскажешь мне, сколько грошей тебе посулили панна Ванда да тот молодой пан, который не стыдится клятву преступить? А тебе? – она обернулась на съёжившуюся от страха Любку.

– Помилуй, ясная пани! – затараторила чернавка. – Я знать ничего не знаю! Панночка утром просила только её милость в дороге не тревожить и глупыми разговорами не донимать, будто я посмею с панной вот так запросто болтать, как если бы она была мне ровня!..

– Цыц, сорока! Что бы ты не говорила, я всё одно до правды дознаюсь. И тогда молись, чтобы сейчас ты не лгала! – Про себя пани Марта подумала, что это не так уж важно – помогла ли Любка её беспутной дочке да её дружку, или всё-таки нет. А важно то, что свалилась на неё беда, о которой и помыслить не могла: любимая доченька Вандушка взяла да и уткнула из-под венца! И с кем? С валацугой переходим, которого она и дня не знала, с голозой, которому одна дорога – проситься в ратные слуги какому-нибудь богатому пану, да и то не всякий возьмёт такого!.. Срам! Совсем как в этих глупых романах, которыми она зачитывалась! А они-то с Михалком-покойником радовались, что дочка растёт умницей! Сама Марта могла объясниться с ляхом, с москвичом, и с гостем из украинских южных земель, Михал – тот знал немного латынь, говорил по-немецки да по-шведски – а Ванда по-немецки знала получше отца, да ещё добре понимает французскую, и итальянскую мову. Михал посмеивался – не дочка у меня, а премудрая королева из басни, такую отдам только за того удалца, что жар-птицу изловит и молодильных яблок добудет... Вот и нашёлся лихой человек, изловил нашу жар-птицу. Что теперь? С паном Чарнецким сговор порушился: он человек незлой, но честь свою блюдёт. А кто польстится на невесту-беглянку, у которой в голове ветер свищет? О том, что дочка может выйти за пана Микалая, пани Марта и думать не хотела.

Пани Марта недолго предавалась мрачным мыслям. Послышался рёв рогов – не азартный и тревожный, как на сече или на охоте, а радостный. Сбыслав Чарнецкий приветствовал невесту и будущую тещу, ещё не ведая, что свадьбе не бывать. Кони замедлили бег, а вскоре возок остановился. Послышался хруст снега под копытами дрыкгантов свиты Чарнецкого. В оконце сунулась конская морда, затем обзор загородил конский бок.

Распахнулись дверцы, и на фоне спящего снега путешественницы увидели самого пана Чарнецкого. Был он невысокого роста и изрядно тучный, однако, судя по движениям, сильный и проворный. На нём был чёрный жупан с золотым шитьём, шаровары синего сукна да бурые калиги¹⁵, плечи покрывал чёрный плащ, отороченный мехом. Он стоял на одном колене, так что ножны его сабли утопали в снегу, и держал на отлёте шапку. Лицо его, показывавшее пристрастие к веселящим напиткам и сабельной потехе – через лоб наискось тянулся рубец – сияло от торжества. Снег таял, не долетая до бритой головы.

– Не можно вам дальше ехать! – весело гаркнул он. – Любезная матушка, пани Марта, где моя невеста наречённая? Выведите мне ясную панну Ванду, я её на дрыкганта посажу, плащом укутаю, поедом ко мне, а завтра, как рассветёт, ждут нас в божьей церкви!

¹⁵ Сапоги.

Тут замолчал пан Чарнецкий, ровно подавился. Потому что вместо панны Ванды оказалась заплаканная Ядзя, крепко ухваченная пани Мартой за ухо.

– Вот, пан! – сказала она. – Обманула нас моя дочка непутёвая – и тебя, и меня! Сбежала по дороге, а вместо себя эту дурёху подсадила!

Пан Чарнецкий поднялся. Если бы это был другой человек, можно было бы сказать, что он растерян. Но Сбыслав Чарнецкий не знал, что это значит – быть растерянным. Он был сильно удивлён и разгневан, хотя внешне оставался невозмутим.

– Садитесь в возок, да поедem ко мне, матушка, – сказал он. – Негоже вам посреди дороге мёрзнуть. Устроитесь у меня в покоях, а там и поговорим.

Устроив гостей, включая злополучную самозванку, в своём палате, пан Сбыслав выслушал рассказ о ночёвке в фольварке, о встрече с молодым шляхтичем, который, надо думать, сманил Ванду и подговорил дурёху Ядвигу изобразить панночку.

– Ну, не горюйте, пани Марта, – добродушно сказал он. – Отдыхайте и ни о чём не думайте.

– Микалай Немирович... Знал я лет пятнадцать назад пару Немировичей. Один – так себе, а второй – и рубака, и пьяница, и великий охотник до женского пола, за что и поплатился головой... – рассуждал он, оставшись один, окружённый одними лишь ратными слугами. – А про этого сорванца прежде не слышал. Значит, надо свести знакомство! – Тут пана Сбыслава посетила некая весёлая мысль. Он усмехнулся, расправил усы и крикнул: – Дмитро! А подойди-ка сюда!

Седой, костистый, без половинки левого уха, зато с длиннейшими усами ваяр приблизился к пану.

– А скажи-ка мне, Дмитро, ты ведь десятый год уже вдовеешь?

– Так, пан, – кивнул Дмитр. – Ганнусю мою скоро десять лет как пан Бог прибрал.

– А дети твои уже возросли, так ли?

– И это так. Сынки мои, Пётр да Гриц, – Дмитр указал на двух рослых усачей, – уже и сами твоей милости служат, да обженились оба и своих деток завели. Старший Стась на бою загинул, когда ходили мы под Полоцк с паном Астрожским. Обе дочки мои из батькиного гнезда упорхнули, свои свили.

– А не думал ли ты, Дмитро, сам новое гнездо свить? – продолжал пытаться пан.

– Как сказать... Вроде бы закон Божий да господаря нашего великого князя статут того не запрещает, только староват я для нового шлюбу.

– Уж не хочешь ли ты сказать, любезный Дмитро, будто клинок твой затупился? – усмехнулся пан Чарнецкий.

– Ну, с молодыми хлопцами мне не равняться... – с притворным вздохом ответил старый служака.

– Ты не ври тут, кобеляка старый! – оборвал его пан. – Мне добрые люди молвили, што ты ко вдове мельника Степанка едзишь не только ради пива да блинов, а она тебя чем-то посласце угощает.

– Может, и так, – философски заметил Дмитр.

– Так вот тебе моё панское слово. Поездки эти к мельничихе брось, потому што завтра, край – послезавтра ты честь-честью перевенчаешься с новой женой. Гей, приведите-ка сюда эту самозванку, как её... Ядвигу!

Ядвигу привели. Бедная девушка дрожала и не смела поднять заплаканных глаз на грозного пана. Она поняла, что вмешалась в очень опасную игру, и ждала чего угодно.

– Подбери возгри, панночка-самозваночка, да очи протри. Негоже тебе рыдать – счастье тебе привалило! Хотела ты замуж выйти да на моей свадьбе невестой быть – так вот, сбылось твоё желание. (Бедная Ядзя подумала, что она ничего подобного не желала – но, разумеется, не осмелилась произнести это вслух.) Быть тебе женой этого славного ваяра!

От изумления Ядзя позабыла плакать и вытаращи́лась на «славного ваяра», который приосанился и ухмыльнулся ей самым молодецким образом.

– Не журишь, девка, што у твоего наречённого сивый волос в усах да чупрыну снегом присыпало – старый конь борозды не испортит, – продолжал пан Сбыслав. – Свадьбы наши разом справим – мою с невестой моей, панной Вандой Бельской, да вашу. Потом внукам расскажешь, что Сбыслав Чарнецкий на твоей свадьбе мёд пил. Я сказал! – прикрикнул он, видя, что девушка приоткрыла ротик, между тем как у неё и в мыслях не было возражать. – Как только вернёмся – быть свадьбе. Двум свадьбам! А вы, товарищи – по коням! Переведуясь с этим щенком из логова Немира!

* * *

А где же была тем часом Ванда? Вскоре после того, как возок Бельских покинул фольварк, со двора выехал простой мужицкий воз, запряжённый соловым тяжеловозом. Воз этот Микалай Немирович сторговал у Головни поутру, пообещав, что отправит мужиков пригнать его обратно. На том возу не было ничего, кроме охапки сена, на которой восседал пан Немирович собственной персоной. Он правил тяжеловозом. Его боевой конь неспешно трусил на привязи сзади, всем своим видом показывая пренебрежение простому трудяге.

Когда фольварк остался позади, солома разлетелась, точно под ней взорвалась мина, и изпод неё явилась хохочущая Ванда.

На панночке был простой мужицкий кожух, голова была покрыта белым платком, поверх которого была надета шапочка, отороченная мехом.

– Микалай, любимый, единственный, как ты здорово всё придумал! – говорила она, обнимая и целуя своего рыцаря. – Далеко ли нам ехать?

– Я здешние места немного знаю: если не начнётся метель, если не повстречаем ни змея, ни великана, ни лихого человека, то ещё до темноты доедем до села, – весело отвечал ей Микалай. – А там, Бог даст, уговорим священника нас обвенчать.

– А если он не согласится? – спросила Ванда.

Микалай запустил руку под футру, долго шарил там, после чего извлёк на свет божий небольшой, но приятнобрякнувший мешочек.

– Согласится! – тряхнул головой шляхтич. – Отчего бы не согласиться, если платят честным золотом?

Ванда расхохоталась и откинулась в сено. До чего же прекрасна жизнь! Солнце, бледно-синее морозное небо, искристýй снег, что визжит под полозьями воза, и запах сена, и мелькающие мимо кусты, деревья, и могучий круп тяжеловоза – всё радовало её, как никогда.

Ни змей, ни разбойник, ни метель не заступили им дорогу. Солнце клонилось к закату, когда они подъезжали к селу, хатки которого расползлись по трём холмам.

... Отец Александр хмуро смотрел на золотые, и было видно, что ему всё равно – гроши там или черепки от битых горшков.

– Всякое я видал, – сказал он. – Видал и то, чему не полагается быть на свете, однако ж, оно есть. Но не видывал я прежде, штобы пан, у которого водятся золотые, приезжал жениться на мужицком возу, да сам-друг с прекрасной невестой. Думается мне, што ты, пан, не тратил время на сватовство да с батьками этой панны не сговаривался.

– Скажи, панотче, где в святых книгах сказано, што не можно жениться, если невеста и жених оба-два согласны на шлюб? – нахмурился Микалай.

– Того я не знаю. Однако в Писании сказано – «чти отца своего и мать свою», это, разумею, пану ведомо?

Ванда закусила губу и подумала, что, если она сейчас позволит упасть хоть одной слезе, то такого бесчестия не простит себе никогда.

– Однако, возлюбленные чада мои, негоже нам время терять. Не о полночи ж вам венчаться! – Ванда распахнула глаза в радостном изумлении. Микалай позабыл дышать. – Гроши свои спрячь, пан... не все, оставь мне с полдюжины. А остальное тебе больше пригодится.

Ванда извлекла из ушей серьги и с отчаянной улыбкой протянула священнику.

– Бери, отче Александре! Поповне своей подаришь.

Отец Александр нахмурился.

– Не надо, ясная панна, – сказал он. – Мне они не потребны, а поповне моей – тем паче. Матушку рано Бог прибрал, дочка наша только ходить начинала. А иных деток мы не нажили. Не было для меня большего счастья, чем глядеть в валошкавы¹⁶ глазки Иванки моей, слышать, як она смеётся, як зовёт меня тятей да спрашивает обо всём на свете. Для неё жил, и мыслил, што счастье ей устрою. Да, видно, за гордыню покарал меня Господь. Сговорил я её за славного парубка, а она, зорька моя ясная, инога на сердце держала. А в тот час меня гордыня окаянная обуяла – пойдёшь, сказал, за кого велю, и Святое Писание и закон людской велит детям батьков своих слушать! Вот и добился, што дочка родная чёрту водяному досталась! Под самый Великдень утопилась.

Ванда прерывисто вздохнула и украдкой промокнула глаза шёлковой хусткой.

– Нет в том её вины, – продолжал отец Александр. – Я в упрямстве своём довёл Иванку до самогубства, мне перед Господом и ответ держать. И ваш грех, деточки, если вы согрешили непослушанием против воли батьков, я на себя возьму.

* * *

Вчерашний день, когда они ехали от Калинковичского фольварка, виделся Ванде самым счастливым днём за все семнадцать годов её жизни. Нынче утром, пробудившись со сладким стоном, она поняла, что такое настоящее счастье.

Минувшие часы она помнила плохо. В памяти осталась непривычная тяжесть венца на голове, липкий жар оплывающей в руке тонкой свечки, слова венчальной службы, смысл которых она плохо разумела, бешено колотящееся сердце и неожиданно близко оказавшееся лицо Микалая. От прикосновения его губ она содрогнулась, словно он вдохнул в неё новую жизнь. Но ведь так оно и было – не стало панны Ванды Бельской, появилась пани Ванда Немирович, законная жена Микалая Немировича!..

Обвенчав беглецов, отец Александр невыразительным голосом, будто речь шла о чём-то обыденном и само собой разумеющемся, предложил им переночевать в его хате.

– Живу я с давних пор один-одинёшенек, детушки, – словно оправдываясь, говорил он. – Работница из тутошних селянок ко мне приходит, чтобы убрать, да сготовить, да постирать, а ночует у себя. Оно и к лучшему. Если баба живёт у вдового попа – тут один соблазн для мирян. Да хоть и привык я к такому иноческому житию, а иной раз так одолевает тоска, что впору в петлю лезть, прости Господи. Оттого я всяких проезжих привечаю да у себя позволяю ночевать. Гроши я за то не беру – грех: я ведь священнослужитель, а не корчмарь! Ночуйте, детушки, а завтра в путь тронетесь.

... По правде сказать, Ванда побаивалась того, что ждало её. Боль её не страшила – пугало её то, что она будет полностью открыта другому человеку, как не открывалась прежде никому. Но ласки Микалая – её Микалая! – смыли все страхи и сомнения, как весеннее половодье смывает всякий сор. Она поняла, что это значит – принадлежать другому человеку и завладеть им, она пила любовь и не могла напиться.

«А со Сбыславом Чарнецким было бы так же?» – ворохнулась на краешке сознания предательская мысль. Появилась и тут же спряталась, точно мышь, на которую топнули ногой. Сбыслав Чарнецкий... да кто он такой? Ну, Сбыслав Чарнецкий. И всё. А Микалай... он один!

¹⁶ Васильковье.

– С добрым утром, пани Немирович! – услышала она голос, слаще которого не было на свете.

Она обернулась. Микалай смотрел на неё и улыбался. В это время Ванда заметила то, на что не обратила внимания вчера («ещё бы ты на это обращала внимание!», сказала она себе и чуть покраснела). Левая ключица Микалая была перебита, и вниз по груди спускалась ниточка шрама

– А это что? – спросила она, трогая место давнего ранения – так осторожно, будто там и посейчас была рубленая рана, из которой торчал обломок кости.

– А это, прелесть моя, ещё в Вильне я с одним жамойтом повздорил, – почему-то неохотно ответил Микалай.

– А из-за чего?

– Не помню уже!

На самом деле, Микалай отлично помнил, из-за чего, точнее, из-за кого они повздорили с белобрысым Зигмунтасом, с которым прежде были не разлей вода... но пани Немирович об этом знать не следует.

– Думаю, не надо нам здесь задерживаться. И стеснять добрейшего отца Александра мне бы не хотелось, да и...

Микалай снова себя оборвал. Он подумал, что его менее удачливый соперник вряд ли смирился с тем, что у него увели невесту из-под носа. И чем быстрее и дальше они окажутся от здешних мест – тем лучше. Однако не следует давать любимой даже малейший повод заподозрить его в нехватке доблести.

Микалай не ошибался. Едва они успели одеться, как в дверь постучали, и в покоец вошел нахмуренный священник.

– Беда! – сказал отец Александр. – Конных наехало с дюжину, да тринадцатый – сам пан Сбыслав Чарнецкий. Вашу милость шукуют.

Ванда тихонько ахнула и прикусила губку.

– Вот и добре, – усмехнулся Микалай. – А то, разве это веселье без гостей благородных? Чай, у тебя, отче Александре, есть, што на стол выставить? Пойдём, встретим славного пана Чарнецкого. Может, добром разойдёмся, а может, моя секира подсечёт крылья его орлу, – недобро пошутил он, намекая на свой герб, да на герб своего соперника – Орлец.

Пан Немирович с молодой женой и отец Александр спустились с крыльца. Микалай величаво улыбался – точно и в самом деле встречал званных гостей, прибывших на пир, где стучат кружки, а не сабли, где льются пиво да мёд, а не кровь, где звучат учтивые хвалы хозяевам, а не стоны и проклятья. Отчаянно и дерзко смотрела пани Ванда Немирович, побледневшая лишь самую малость. Хмуро и решительно смотрел перед собой отец Александр.

Во дворе было тесно от конных, окруживших крыльцо полукольцом. Люди пана Чарнецкого восседали на громадных чубарых дрыкгантах, сами – все, как на подбор, крепко сбитые, в добротных футрах, крытых чёрным сукном, в щегольски заломленных шапках, отороченных бобровым да волчьим мехом, при саблях и пистолях. Все они смотрели на пана Немировича нагло и с вызовом, однако молчали.

Вперёд выехал пан Сбыслав Чарнецкий. Несколько мгновений соперники рассматривали друг друга, словно пытаясь угадать слабину.

– Доброго утра пану Микалаю! – пан Чарнецкий, не покидая седла, истово поклонился, и только что шапку не снял.

– И тебе поздорову, пан Сбыслав! – как ни в чём не бывало, ответил Немирович. – Гора с горой не сходится, а человек с человеком завсегда встретятся!

– Верно молвишь. – Чарнецкий приосанился и подкрутил усы. – А я, пан, заехал раз-знать, добро ли ты изволил почивать, чужую невесту, честную шляхтенку, кгвалтом¹⁷ похитивши! Да утек, только свет не без добрых людей, подсказали, где тебя шукать, да панну Ванду.

– Это ложь! – крикнула Ванда. Немирович приподнял левую ладонь. Ванда, рванувшаяся было к Чарнецкому, остановилась.

– Прошу прощения пана, не совсем разумею, што пан изволит молвить, – церемонно, так что издѣвка почти и не была слышна, ответил Микалай. – Пани Ванда – пред Богом и людьми моя законная жена. О том отца Александра спрошай, если шляхетскому слову моему не веришь.

Воцарилось молчание – только снег похрустывал под копытами коней, переступавших с ноги на ногу, да ещё слышалось фырканье и звяканье сбруи. Пахолки Чарнецкого, ошеломлённые неожиданным поворотом не меньше своего пана, только что рты не пораскрывали в изумлении. Сам же Чарнецкий, услышав эту весть, как-то резко осел и погрузнел, отчего, и так не бывший юношески-стройным, да ещё и в зимнем убранстве, он и вовсе стал похож на жёлудь.

– Ласково просим пана до нашего стола! – сказала с улыбкой Ванда. – Правда, палац наш ныне небогат и стол скуден, уж не прогневайся, пан Сбыслав, но чести шляхетской в том урону нет...

Чарнецкий издал горлом непередаваемый звук и проворно спрыгнул с седла.

– Со мной... шутить вздумали?! – рявкнул он. – Лжѣшь ты, пан Микалай! – с усмешкой сказал он. – Не быть ей твоей женой, а быть ей твоей вдовой! Это я сказал, Сбыслав Чарнецкий! – Он лихо соскочил на снег. – Подержи! – Это относилось к ближайшему пахолку, который тотчас спешился и схватил уздечку панова дрыкганта.

Чарнецкий выступил на несколько шагов вперёд. Молниеносным движением он выхватил саблю. Венгерка холодно блеснула под солнцем. В следующее мгновение саблю выхватил и Микалай. Пахолки Чарнецкого, все, кроме одного, остававшиеся в седлах, заставили коней податься назад, освобождая поле для двубоя.

Отец Александр, дотоле молчавший, бросился к поединщикам.

– Што творите, окаянные? – закричал он. – Не дам на своём дворе забойство чинить!

– Уйди, отче! – внушительно сказал один из спутников пана Чарнецкого, немолодой вояка сабельным рубцом через всё лицо и вытекшим левым глазом. – Уйди по-доброму, а то под руки утащим.

Отец Александр развернулся к нему.

– Што? Еретик поганый, на христианского пастыря руку поднимешь? – Глаза священника сверкали нешуточным гневом, и видно было, что прежде гнева Господня пахолкам Чарнецкого, если они захотят оттащить строптивного попа, придѣтся испытать гнев и силу отца Александра.

– Отче! – прозвенел от крыльца голосок пани Ванды. – Прошу тебя, отойди!

– Дитя моё... – заговорил священник... но неожиданно послушался Ванды и отошёл к крыльцу.

Рыцари сбросили на снег футры и стали неторопливо сходитьсь. Чарнецкий держал саблю в поднятой кверху руке, вдоль земли, обратя остриё к небу. Немирович, напротив, опустил клинок к земле, как будто не осознавал опасности. Эта беспечность была кажущейся. Едва Сбыслав Чарнецкий, выждав подходящее время, ударил наискось – так, что у неумелого противника отлетела бы прочь голова – Микалай отвёл саблю врага и, описав клинком красивую дугу, ударил в свой черёд. Но пан Чарнецкий был опытный рубака и успел поставить свою саблю накрест.

Сталь натолкнулась на сталь.

¹⁷ Насильственно.

Есть на что посмотреть, когда сходятся два великих ваяра – в учебном ли бою или в смертельной схватке. Немало удивления сулит это зрелище неискущённому в военной науке зрителю. Грузный с виду рубака может явить опасную ловкость, пожилой воин – нестариковские проворство и выносливость; слабый с виду боец, вложив в удар разворот всего тела, может одним ударом прорубить панцыр врага, а если панцыра нет, так и развалить противника напололам. Ванда во все глаза смотрела на двубой, вцепившись побелевшими пальцами в резной столбик крыльца. Щёки юной женщины зарумянились. Страшная красота благородного боя очаровывала её всегда – и в те дни, когда отец наставлял её братьев и пахолков в сабельном искусстве, и даже сейчас, хотя она понимала, какая опасность грозит её Микалаю. Он был моложе и увёртливее своего противника – но Сбыслав Чарнецкий был славный рыцарь, и впервые взял вражескую жизнь, наверное, ещё до того, как Микалаю подарили игрушечную сабельку.

Рыцари неистово крестили воздух клинками, и каждый удар, если бы он достиг цели, мог бы оказаться смертельным. Они кружили по заснеженному двору, то один, то другой наступал на противника – но верх не удавалось взять ни одному. Вот удача улыбнулась Микалаю – он поднырнул под удар пана Чарнецкого и, выпрямляясь, секанул противника по лицу. От радости Ванда подпрыгнула на месте и взвизгнула, тотчас зажав себе рот ладошкой, устыдившись неподобающего благородной даме выражения чувств. Но, должно быть, удар оказался недостаточно силён, а Сбыслав Чарнецкий успел в последнее мгновение уклониться, поэтому рана, страшная с виду, оказалась неопасной. Сабля пана Немировича рассекла врагу щёку и скользнула по кости: если выживет пан Чарнецкий и в этой схватке – будет у него ещё один знатный рубец, показывающий лихость. Тотчас же последовал ответ – пан Чарнецкий рубанул врага с разворота. Микалай успел подставить саблю, но так силён был удар, что он не удержался на ногах.

Пан Чарнецкий дождался, пока противник поднимется. И стоит заметить, что ждать ему пришлось не слишком долго – едва успел и подкрутить усы. А если бы и зарубил сбитого с ног – никто бы не упрекнул его. Однако он дождался, пока Микалай утвердится на ногах – и тогда ударил снизу вверх. Будь противник менее ловок – его требуха уже дымилась бы на снегу. Однако Микалай дважды увернулся, не пытаясь отбить удары, и в третий раз ударил сам, не дав противнику начать замах, и легко отпрыгнул на безопасное расстояние. Удар вышел не в полную силу – но скоро рукав жёлтого жупана старого рыцаря потемнел от крови, и видно было, что правая рука слушается пана Чарнецкого не так, как прежде. Однако его молодой противник уже подисчерпал свою прыть, и Сбыслав Чарнецкий справлялся даже раненой рукой. Только бледнел при особо сильных ударах.

Но всякой крепости положён предел – дрогнула вооружённая рука пана Сбыслава и едва не выпустила саблю. Однако не прост был Сбыслав Чарнецкий, вышел живым из многих десятков схваток, не боялся боли и не поддавался слабости: перехватил саблю левой рукой, стремительно нагнулся, пропуская над собой жутко свистящий клинок врага, и уколол с неожиданной стороны.

Если бы удар пришёлся чуть ниже – исход схватки был бы решён. Но сабля проскрежетала по рёбрам.

– Надеюсь, пан Микалай не посчитает за бесчестье, если я зарублю его не правой рукой, а левой? – усмехнулся пан Чарнецкий.

– Ничуть! – прошипел Микалай, прижимая локоть к раненому боку. – Потому што ты, пан Сбыслав, всё равно изойдёшь кровью прежде, чем я вспотею.

С его стороны это было не совсем правдиво – оба противника тяжело дышали и, несмотря на морозный день, по спине каждого уже сбегали ручейки пота. Но и пан Чарнецкий уже не мог рубиться в полную силу. Он хотел закончить бой одним мощным и стремительным ударом, но раз за разом Микалай отбрасывал его саблю, а вскоре молодой соперник решительно перешёл в наступление. Бывалый витязь отбивал удары, стараюсь сберечь силы и притом казаться

более измождённым, чем он был на самом деле. Он ждал, когда самонадеянный и нетерпеливый молодой враг совершит оплошность, чтобы одним ударом получить возможность жениться на молодой вдове.

Развязка наступила неожиданно. Справа от пана Чарнецкого прогремел выстрел. В тот же миг с головы его противника слетела шапка, а сам пан Немирович молча упал лицом вниз. Снег возле его головы стремительно пропитывался кровью.

Пани Ванда вскрикнула.

Пан Чарнецкий развернулся в сторону, откуда прозвучал выстрел. Молодой рыжий пахолок, которому он доверил уздечку своего дрыкганта, держал в руке пистоль с ещё дымящимся дулом.

– Што ты наробил, скаженник! – зубром взревел пан Чарнецкий, надвигаясь на пахолка. Тот попятился и едва не выронил пистоль – никогда прежде ему не доводилось видеть пана столь разъярённым.

– Тебя ж боронил, пан... – пробормотал хлопец – он понял, что сотворил нечто непоправимо неправильное.

– Кабы ты на битве меня оборонил, я бы тебя за то похвалил! А што такое двубой рыцарский, тебе неведомо? У, дурной же ты, як варона! Да як ты посмел? Осрамил навек, падлюка! Лепше б ты мне в спину выпалил!..

Неизвестно, что бы сделал оскорблённый пан Чарнецкий, и, может статься, не по уму усердный пахолок пал бы жертвой его ярости, но тут случилось то, чего никто не ожидал. Поблевшая пуще свежего снега Ванда, что смотрела остановившимися глазами на бездыханное тело Микалая, соколицей метнулась через двор и взлетела в седло дрыкганта пана Сбыслава.

Дико завизжал дурноезжий конь и встал на дыбы. Бестолковый пахолок, получив копытом по затылку, молча сунулся лицом в снег. Пан Чарнецкий отскочил от рассвирепевшего зверя.

– Прыгай, пани Ванда! Не мешкай! Убьёт! – крикнул он.

Ванда, вцепившись в гриву дрыкганта и сидя в седле совершенно неприличным образом, ловила стремяна. Удавалось ей это плохо – конь негодуяюще визжал и то вставал на дыбы, то накидывал задом. Пан Чарнецкий кинулся схватить коня под уздцы, но разъярённый скакун сшиб хозяина с ног.

Ванда, кое-как уловившая ногами стремяна, ударила коня шенкелями. Конь заржал и бросился через двор, перемахнул ограду и вихрем полетел по полю к темневшему неподалёку лесу.

– Ну што? – проревел пан Чарнецкий, оглядывая свою свиту. – Болваны! За ней! Стецко, жив ли? – Он перевернул на спину тело бестолкового пахолка. Тот был без сознания, однако на движение отозвался глухим стоном. – Жив, хвала Иисусу. Очухается, дурням счастье! – Дрожащими руками он вогнал в ножны саблю и вскочил на Стецкова коня. – За ней!

* * *

Сколько раз на Ванде доводилось на вопрос «О чём думаешь?» отвечать «Ни о чём, батюшка» или «Ни о чём, матушка» – когда мысли, занимавшие её в это время, были не таковы, что их можно поверить кому-то другому. Но сейчас она действительно ни о чём не думала. Она не думала даже о Микалае, застреленном у неё на глазах. Не думала о том, что ей делать теперь. Пропал самый страх, хотя она в любую минуту могла упасть и расшибиться насмерть. Она помнила только, что ей нужно во что бы то ни стало держаться. И она держалась за гриву.

Взбешённый дрыкгант стрелой летел через поле. Для него, привыкшего нести в бой семипудового пана Сбыслава – не считая панцыра да сброи – сто двадцать фунтов всадницы были незаметны. Погоня безнадежно отставала и скоро превратилась в горсть тёмных горошин, катящихся в десятке стрелищ позади. Но Ванда не смела обернуться и не видела этого.

Лес возник впереди серо-зеленой стеной. Миг – и вот по сторонам мелькают деревья. Через некоторое время Ванда заметила, что скок дрыкганта стал медленнее – усталость взяла своё, да и не мог чубарый нестись по лесу так же скоро, как по чистому полю. Сжавшаяся комочком всадница набралась храбрости и приподняла голову.

В тот же миг перед лицом её появилась ветка. От удара, немного смягчённого меховой оторочкой шапочки, всадница вылетела из седла.

* * *

Когда Ванда пришла в себя, она не сразу поняла, почему она лежит навзничь в снегу и как она оказалась посреди леса совершенно одна. Она приподнялась, изумлённо оглядываясь. Внезапно лицо юной женщины исказила гримаса беспредельного отчаяния, а из глаз брызнули слёзы. Она вспомнила нелепую смерть Микалая и свой невероятный побег на дрыкганте пана Чарнецкого. Она оглянулась в поисках коня, но, разумеется, его уже и след простыл. Да и вряд ли ей удалось бы укротить боевого коня: удивительно, как она сумела оседлать его там, во дворе...

Мороз усиливался. Ванда чувствовала его, несмотря на грубый, но тёплый кожух, который она надела во время бегства с фольварка, и черевика с мехом внутри. Прежде она напугалась бы: одна в зимнем лесу, без коня, без огня, без оружия – так согнуть не просто, а очень просто. Но теперь ей было всё равно. Совершенно всё равно. Волки съедят – и ладно. Замёрзну – и пускай...

Однако страх здорового молодого тела возобладал над отчаянием – или просто сидеть на месте было совершенно невыносимо. Юная женщина поднялась на ноги и побрела вперёд, вытаскивая ноги из глубокого снега, чтобы на следующем шаге снова провалиться по колено.

Так она шла некоторое время, пока не заметила, что идти стало легче, и что ноги проваливаются не так глубоко. Ванда поняла, что выбрела на лесную стёжку. Прерывисто вздохнув, она двинулась по ней дальше.

Терзавшее её душу горе не отступило, но страшное оцепенение, из-за которого она не замечала ничего вокруг, медленно таяло, как туман. Ванда почти с любопытством смотрела на опущенные инеем деревья, на ветках которых, улавливая солнечные лучи, вспыхивали и тотчас угасали ледяные искорки, на бледно-голубое ясное небо над головой. В лесу стояла невероятная тишина, нарушаемая, казалось, только хрустом снега под ногами одинокой путницы. Да ещё слышался еле уловимый нежный перезвон – точно от неосязаемого движения воздуха звенели тончайшие ледяные иголки. Временами звон становился более отчётливым, наплывал со всех сторон, а деревья как будто принимались кружиться в бесшумном танце. Ванде грелилось, что она вступает в сказочный мир, заманчивый и жуткий. Наваждение подкатывало и отбегало, точно озёрная волна, но не исчезало вовсе. Дивный звон окутывал Ванду, и нежные чарующие звуки заставили её забыть горе и усталость. Она шла, как во сне – и этот сон был подобен смерти.

Она сама не заметила, как вышла на небольшую круглую полянку, которой почему-то не достигали солнечные лучи. Здесь, точно кузнечики на летнем лугу, звенели тысячи незримых ледяных колокольчиков, и сквозь перезвон доносилась прелестная и страшная песня, навевающая забытьё.

Ванда почувствовала на себе странный нелюдской взгляд. А потом она перестала что-либо видеть и чувствовать и медленно повалилась в снег. Зыбкие видения закружились перед её мысленным взором.

* * *

– Пане Сбыславе! – Дмитр был бледен – настолько, насколько может побледнеть старый рубака, никогда не отворачивавшийся от ковша с мёдом или пивом, да ещё и покрасневшийся от скачки на морозе. – Повернуть бы! Штоб мне в пост блином подавиться, дело нечисто! Не видишь, кони нейдут!

Дрыкганты отряда, преследовавшего пани Ванду, и вправду вели себя странно: брыкались, вставали на дыбы, ржали, роняли пену и отказывались идти дальше. Пахолки ругались на чём свет стоит и осаживали взбесившихся коней – но видно было, что им тоже передаётся страх.

Пан Чарнецкий, поняв тщетность попыток успокоить своего коня, спрыгнул с седла на снег.

– Долой с коней! – рявкнул он. – Не дурнее вас, вижу, што тут смердит колдовством! Так што с того? Если кони бесятся – пеши пойдём! Пойдём, я сказал! – добавил он медвежьего рыку в голос, видя сомнение на лицах свиты. – Вы хто? Ваяры или, может, бабы? Так и знайте: хто попятится – того, когда вернёмся, лично посажу за веретено! Михал, ты с конями останешься, а остальные – за мной!

Десять бойцов волчьей цепочкой шли за паном Сбыславом по следу. Хотя нападения было ждать неоткуда, ваяры тревожно смотрели по сторонам, а замыкающий ещё и оглядывался назад. Всем было жутко – непонятно отчего. Один только пан Сбыслав, кипя от негодования, не думал ни о каких страхах и шёл вперёд.

– Пане Сбыславе! – окликнул его Дмитр.

– Ну, што опять?

– Сам погляди! Хлопцы ровно три ночи не спали.

Пан Сбыслав почесал в затылке, крякнул и сплюнул на сторону. Творилось что-то непонятное. Пахолки, ещё недавно бодрые и готовые следовать за ним хоть в пекло, просто валялись с ног. Семнадцатилетний Юрко – тот и вовсе валяется в снегу, точно перебрал хмельного и не устоял на ногах, да где свалился, там и захрапел.

– А ну встать, пёсье семя! – гаркнул пан Чарнецкий. – Вы што?..

Плечистый и длиннорукий Рыгор, точно пьяный, подошёл к Юрку, вздёрнул его, точно кутёнка, и поставил на ноги. Оба вперили в своего пана бессмысленные глаза.

Пан Сбыслав плюнул и пошёл дальше по следу, не тратя времени на призывы. Он знал, что его люди за ним пойдут. Не смогут идти – поползут. А не смогут ползти... что ж, он всё равно пойдёт. И, кто бы там ни ворожил, бесову отродью не поздоровится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.